

Василий Новгородцев

Труп

Василий Новгородцев

Труп

«Издательские решения»

Новгородцев В.

Труп / В. Новгородцев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-935467-9

Сборник рассказов о разном, девять штук. Темы в основном печальные: кризис среднего возраста, одиночество, Советский Союз.

ISBN 978-5-44-935467-9

© Новгородцев В.
© Издательские решения

Содержание

Труп	6
Тот день в мае	11
Маршрутка	14
Оленька	17
Огонь	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Труп

Василий Новгородцев

© Василий Новгородцев, 2018

ISBN 978-5-4493-5467-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Труп

Саша молчала в пути, молчала и сейчас, пока Олег неумело разбивал палатку. Наблюдая за его потугами, девушка не думала помогать: в конце концов, это он уговорил ее на лес и речку. Пусть сам мучается. Саша пряталась от палящего послеобеденного солнца в тени березы. В кустах неподалеку жужжали насекомые, над головой чирикали птицы, где-то, скрытая за множеством толстых стволов елей, берез и тополей, журчала речка.

– Может, пока начнешь готовить? Жрать хочется, – выкрикнул Олег, вытирая со лба струйки пота. Он оглядел наполовину поднятую палатку, буркнул что-то матерное и продолжил забивать колышки.

Саша нехотя поплелась к машине, достала пару пакетов с едой: картошка, сосиски, овощи, бутылка вина. Проходя мимо Олега, бросила:

– Говорила же, надо было на трассе остановиться пообедать.

– В этой жральной хачовской? Нет уж, – Олег накинул тент на дуги, довольно посмотрел на кривенькую палатку. – Сейчас картошечку пожарим, отлично будет.

Спустя сорок минут палатка стояла ровно, горел костер, а нарезанные золотистые клубни ждали своей очереди.

– Ну хорошо же, что выбрались? – сидя у костра, Олег смазывал волосатые голени комариным репеллентом. Саша, закинув ногу на ногу, смотрела в телефон.

– Тут связи вообще нет, – прокомментировала она, раз за разом пытаясь обновить ленту в Инстаграм.

– Тайга. Зато воздух свежий. Потом на реку сходим.

– Хорошо, – с недовольным вздохом Саша убрала телефон, уставилась на неровно горящий, потрескивающий костер. Оба молчали, но девушка чувствовала на себе взгляд Олега – долгий, изучающий. Таким он, сидя за офисным компьютером, смотрел на строчки кода в поисках ошибок.

– Саш, все нормально?

– Да.

– Точно?

– Да, – она заставила себя посмотреть на стройное, обрамленное подстриженной бородой лицо, выбритые по бокам русые волосы, выдавила улыбку. Олег продолжил натираться «Рап-тором».

Запеченная на углях картошка с сосисками оказалась сытной, и, разленившись, на реку они не пошли. Саша расстелила плед на поляне, сменила майку на купальник и, прикрыв глаза солнцезащитными очками, легла загорать. Олег уселся в тени палатки с планшетом, периодически подкидывал дрова в огонь.

– Вина? – спросил он, когда, пару часов спустя, Саша подошла к палатке переодеться.

– Давай.

Солнце спряталось за пышные кроны деревьев, красным светом разрезая узкое пространство между листьями. Открытая бутылка стояла в траве, прислонившись к бревну, на котором сидела пара. Сделав глоток красной жидкости, Саша чуть поморщилась.

– Полусладкое?

– Да.

– Я же не люблю полусладкое.

– Ну, бля, прости. Надо было со мной в магазин идти.

Саша собиралась еще что-то сказать, но передумала. Отпила вина.

– Хорошо, что выбрались, – сказал Олег, двигаясь ближе к девушке. Саша, не моргая, смотрела на мерцающее пламя костра. Медленно кивнула.

– Может, хочешь поговорить? – парень закинул руку ей на плечи. Саша прижалась к его груди, это всегда успокаивало. Откуда-то из лесного полумрака доносился писк сверчка, отчетливей слышался шум воды, трещали дрова в костре, было слышно, как дышит Олег.

– Нет, не очень.

– Саш, блин, ну пожалуйста. Я ж не могу один все это тянуть.

– Да о чем говорить, Олег? – Она отодвинулась, опустила животом на бедра, – Я вообще не понимаю, нафига мы сюда приехали? Что в городе не сиделось?

– Чтобы побыть вдвоем. Ты же говорила, что хорошая идея, пойдет нам на пользу.

Саша сделала два больших глотка, чтобы не сказать лишнего. Она и не ожидала, что Олег вспомнит, как вся эта поездка затевалась. «Давай съездим в лес, только вдвоем. Мне кажется, нам пойдет на пользу, отдохнем там». – сказал Олег. «Хорошо». – ответила Саша.

Алкоголь опьянял, на костре грелись зефирки, и вечер уже не казался Саше скучным. Олег говорил о работе, пересказывал офисные сплетни, девушка время от времени хихикала, и после очередного совместного взрыва смеха он взял ее ладонь, провел подушечкой большого пальца по острым костяшкам. Саша посмотрела в карие глаза, он приблизился и поцеловал ее, щекоча бородой кожу.

– Вот видишь, все отлично, – прошептал Олег, поглаживая ладонь девушки. Саша положила голову на широкое мужское плечо, прикрыла глаза и постаралась ни о чем не думать.

Когда солнце окончательно село и, во всем лесу осталось одно светлое пятно – их костер – Саша сказала, что хочет спать. Они затушили огонь, включив фонарики, забрались в палатку. Девушка сняла пропахшую костром майку, собралась натянуть специально приготовленную чистую футболку, но Олег остановил ее поцелуем в плечо, и Саша замерла. Его дыхание становилось громче, приближаясь к уху, губы потянули мочку, поиграли с серьгой. Олег знал, как сделать ей приятно. Большая волосатая рука легла на живот, и Саша открыла сомкнувшиеся в неге глаза, высвободилась из медленно сжимающихся объятий.

– Ты чего? – Олег с непониманием посмотрел на девушку.

– Ничего. Сейчас, пописать схожу, – ответила Саша, надела футболку и, прихватив влажные салфетки и фонарь, поспешила выползти из палатки.

Она пошла в сторону леса, покинула темную поляну, обошла заросли дикой малины, двинулась в чащу. Саша продиралась через кусты, желая отойти как можно дальше от лагеря, но, когда какофония ночных звуков зазвучала громче ее тяжелого дыхания, а на лицо налипла паутина, страх заблудиться все-таки взял свое.

Саша спустила штаны, присела. Свет фонаря освещал высокую траву и торчащие из земли корни сосны, неизвестные ей черные ягоды. Над головой сквозь кроны проглядывали необычайно яркие звезды и серый полукруг луны. Саша перевела фонарик в другую сторону и увидела в паре метров от себя торчащие носками вверх кроссовки. От кроссовок вглубь пышного кустарника уходили ноги в джинсах.

Фонарик в ее руках задрожал, она с трудом сдержала чуть было не вырвавшийся крик. Несколько секунд, не отводя расширившихся от ужаса глаз, глядела на кроссовки в трясущемся свете. Помочившись, Саша быстро поднялась, натянула штаны, не выпуская из виду ноги. За все это время они ни разу не шелохнулись. Первым порывом было броситься бежать, но девушка подавила его – вдруг человеку нужна была помощь? С колотящимся сердцем она сделала несколько шагов по хрустящей лесной подстилке. Слегка толкнула кроссовок ногой в сандалии, но тело осталось неподвижно. Борясь со сковывающим страхом, Саша раздвинула густую листву, продралась сквозь колючие ветки, нерешительно направила луч фонарика туда, куда тянулись торчащие из куста ноги.

Короткий громкий вдох, сдавленный визг, прижатая к губам ладонь. Саша побежала к палатке. Высокая трава, кусты, хлещущие лицо ветки – она словно не замечала всего этого. Перед глазами застыл вздувшийся живот, темное желтушное лицо без всякого выражения.

Деталей она не запомнила, весь вид мертвого тела слился в черный жуткий образ, гонящий прочь.

Олег, лежа на животе, играл на планшете, когда Саша влетела в палатку. Растрепанная и напуганная, она не замечала, что свет фонарика бьет ему прямо в глаза.

– Ты чего? – спросил Олег, подполз к девушке, обнял ее напряженное тело. – Что случилось?

Саша тяжело дышала, изо рта вырвались только нечленораздельные звуки. Ей пришлось сделать над собой усилие, чтобы произнести: «Там труп». Поглаживая девушку по вспотевшей спине, Олег спросил:

– Что за труп? Заяц?

– Блядь, нет! Я говорю труп, человек! Мужик! – выкрикнула Саша, и Олег отстранился.

– Какой мужик?

– Откуда я знаю, какой?! Мертвый, блядь!

– В лесу?

– Да!

– Рядом с палаткой?

– Да! Ну, нет, дальше там, – она махнула рукой в неопределенном направлении. Олег недоумевал. Он собирался сказать, чтобы она не выдумывала глупостей и ложилась спать, но уж чересчур напуганной и возбужденной выглядела девушка.

– Тебе не показалось? В темноте, мало ли.

– Нет, – уверенно ответила Саша. Слишком хорошо она помнила куст, безжизненные ноги.

Олег замолчал, задумался, почесал бороду. Саша окликнула его, спросила, что они будут делать, и Олег решил, что самым разумным будет сначала убедиться в ее словах.

– Я туда не пойду, – Саша отползла глубже в палатку.

– Ну я же сам его не найду, – натягивая штаны, отозвался Олег.

– Зачем вообще идти?

– Надо убедиться.

– В чем? Я ж говорю, там труп мужика! Давай просто поедem домой.

– Саша, мы никуда не поедem. Кто, ты машину в такую темень поведешь? Тем более мы пили, забыла?

Девушка не нашлась, что ответить. Олег выполз из палатки, позвал Сашу, и с фонариками в руках они направились в сторону леса. Олег поежился от ночной прохлады, втянул воздух и выдохнул короткое недовольное «Ох, блядь». Саша ничего не сказала.

Они прошли по примятой траве, мимо сломанных убегающей девушкой веток, и вскоре остановились у куста черных ягод. Кроссовки все также торчали из густой листвы.

– Еб твою мать, – произнес Олег, подходя чуть ближе. Он раздвинул ветки, заглянул под куст. – Пиздец.

Желтое, покрытое пятнами лицо, лет сорока-пятидесяти, короткие серые волосы. Вздутый живот, руки вытянуты вдоль тела. На трупе были спортивные брюки, рубашка и куртка из кождама.

– Я говорила! – произнесла стоящая поодаль Саша, обнимая себя одной рукой, второй направляя луч фонарика на Олега. Тот толкнул тело ногам в живот, и из горла мертвеца вырвался хриплый стон. Саша закричала, Олег отпрыгнул от неожиданности.

– Ты что орешь?

– Что это? – спросила девушка громче, чем намеревалась.

– Воздух наверное. Черт.

– Что делать, Олег?

– Не знаю.

Они стояли чуть в стороне, глядя на куст, на ноги неизвестного.

– Ладно, пошли отсюда, – произнес, наконец, парень и направился обратно к палатке.

Саша бросилась за ним.

– И что, мы его так оставим?

– Есть какие-то еще предложения?

– Надо полицию вызвать.

– Связи нет, забыла?

– Ну, может, документы у него хоть проверить? – после короткого раздумья предложила девушка.

– Ну вперед! – раздраженно бросил через плечо Олег. – Я лично не собираюсь по карманам у него шарить. Да и зачем, что тебе его имя?

– Чего ты кричишь?

– Да потому что. У тебя идеи – пиздец просто. Хоть бы раз что-нибудь умное предложила.

Они добрались до палатки, Олег забрался внутрь. Саша еще постояла снаружи, но очень быстро ей стало страшно, в темноте мерещились фигуры, в журчании реки неподалеку слышался хрип мертвого тела. Она пролезла внутрь.

Олег лежал на боку, отвернувшись к стенке палатки, в полной темноте. Саша села рядом, обхватила колени руками.

– Что нам делать? – тихо спросила она.

– Свет выключи и спать ложись, – отозвался парень.

– А с ним что? Завтра, как домой поедем, полицию вызовем?

– Посмотрим.

– В смысле, «посмотрим»? – Саша не ожидала такого ответа, ей собственное предложение казалось очевидным.

– Ну ты вот хочешь всем этим заниматься? Ездить туда-сюда, в ментовке сидеть, показания давать? – Олег развернулся на спину, Саша направила на него луч света. Резкие тени на лице и подтянутом теле. – А мне вообще-то на работу в понедельник. У нас дедлайн. И вообще, чего тебе этот мужик? Алкаш какой-нибудь. Событьишники порезали и труп тут кинули. Ему уже не поможешь, ты о себе подумай. И обо мне.

– Я поняла, хорошо, – Саша погасила фонарик, палатка погрузилась в полную темноту. Девушка легла, закрыла повлажневшие глаза. Ей вспомнилась больничная палата, врачи, как она просыпается после наркоза. Ей говорят, что операция прошла успешно, никаких осложнений, и она гладит живот. Под вечер ей лучше, приезжает Олег с цветами, поздравляет ее, а она плачет и не может смотреть на него.

Саша не сдержала всхлип.

– Ты чего плачешь? – полусонным голосом спросил Олег, неуклюже повернувшись к ней, – Из-за трупа?

Громкий, протяжный, истерический стон. Слезы стекали по щекам на футболку, волосы липли к губам, Саша редела в полный голос. Олег обнял ее, стал гладить по спине, она не смогла бы освободиться, даже если б хотела. Его нежные прикосновения медленно успокаивали. Он приговаривал: «Все-все-все», и Саша перестала трястись, задышала ровнее.

– Олег.

– Ну что? Что ты разревелась из-за какого-то мертвяка?

– Олег. Зачем ты заставил меня сделать аборт?

Парень отстранился, лег и отвернулся. В темноте Саша едва могла разглядеть, как вздымается его тело при ровном дыхании. Чувствуя себя беззащитной, она нервно ковыряла слезающий маникюр. Решилась спросить еще раз:

– Олег. Скажи мне, зачем? Я хотела ребенка. Зачем ты заставил меня его убить?

– Мы это уже обсуждали, – пробурчал Олег, не поворачиваясь. Саша знала, что это правда, и знала, что он мог ответить. Он одно и то же отвечал каждый раз на протяжении последних полутора месяцев.

«Хочешь жить у родителей? Или с ребенком в съемной однушке? Это ж пиздец, ты понимаешь?»

«А ты подумала, что на свадьбу еще потратиться придется?»

«Да это еще не человек даже, там ребенка-то как такового нет».

«Ты сама-то не хочешь еще для себя пожить? Я вот хочу. А ты у меня это отнимаешь, хочешь, чтобы я пеленки засранные менял».

«Так всем будет лучше. А лет через пять-семь заведем ребенка, как на ноги нормально встанем. Я так и планировал».

Саша знала наизусть все эти фразы, столько раз она их слышала. Ими он уговорил ее пойти на аборт. И все же, она снова задавала свой вопрос, этих причин было недостаточно, и каждый раз она надеялась, что сейчас он скажет что-то новое, что докажет: убить ее ребенка было правильным решением.

Но Олег ничего не ответил, только ровно дышал под теплым покрывалом. Саша смотрела на него, шмыгая носом, вытирала сопли и слезы предплечьем, размазывала ладонью.

– Знаешь, – донесся из темноты тихий голос Олега, – Надо было рожать, раз ты так ребенка хотела. Разбежались бы, и дело с концом. Можем и сейчас разбежаться. Мне уже надоело тебя подбадривать. Я будто за эти отношения один борюсь. Нахрена мы в этот лес поехали, если тебе ничего этого не надо?

Саша сдержала очередную волну рыданий. Она легла, подползла ближе к Олегу, обняла его. Парень тут же развернулся, поцеловал соленые щеки и дрожащие губы. Саша провела рукой по бороде, прижалась к сильной груди. Олег взял ее ладонь в свою и провел подушечкой по костяшкам пальцев. Ей всегда казалось, что он знает, как правильно. К тому же, сейчас оставаться одной в темноте она не могла. Парень быстро уснул, а Саша долго лежала, думая о мучительно близком мертвом теле.

Утром ночное происшествие казалось дурным сном. Они оба не вспоминали о трупе вслух, словно ничего не произошло. Олег собрал палатку и вещи, Саша уложила мусор в пакеты. Автомобиль продрался через свисающие над заросшей дорогой ветки, покачиваясь на кочках, выехал на трассу. Из приемника заиграла музыка, Саша достала телефон, обновила ленту Инстаграм.

– На речку не сходили, блин, – произнес Олег, настраивая кондиционер.

– Да, жаль. Надо в магаз заехать.

– Что там?

– Яиц дома нет. И молока.

Тот день в мае

– Маш! – окликнул Володя девушку, не спеша спускающуюся по широким ступенькам. Маша остановилась, посмотрела вверх. Белокурый парень с рюкзаком на спине, держась за перила, ловко маневрируя между поднимающимися студентами, бежал вниз по лестнице. Поравнявшись с девушкой, он вопросительно на нее посмотрел.

– Мы ж погулять собирались?

– А, да, – отозвалась Мария несколько растерянно, посмотрела на часы. – Ну, если недолго.

Стали спускаться вместе, прошли через двойные двери, вышли во двор университета.

Утром было прохладно, но за целый день занятий солнце прогрело майский воздух и светило ярко, радостно. Большая клумба у входа пестрела разноцветными свежевываженными цветами, на лавочках сидели студенты, подставив молодые, вдохновенные лица солнцу. В тени тополей слева курила и смеялась компания первокурсников.

Маша и Володя прошли мимо клумбы, направились вверх по улице.

– А че недолго? Спешешь? – спросил Володя, морщась от густого дыма, оставленного протарахтевшей газелью.

– Да, в больницу надо.

– Зачем?

– Антона навестить, – они шли мимо перекопанного для замены труб асфальта. Маша пнула балеткой камешек, тот звонко ударился о горячий металл вниз.

– А что с ним? – Володя старался звучать буднично, но был уверен, что в его голосе проскальзывают ноты чрезмерного любопытства и злорадства.

– Да там... Не важно. Куда пойдём?

– На набережную?

Маша кивнула, и они прибавили шаг. Зашли в супермаркет с выцветшей желтой вывеской, купили воды, свернули во двор, где на спинках лавочек передавали по кругу темную пластиковую бутылку старшеклассники из школы неподалеку. Перебежали дорогу, подошли к длинной лестнице из бетонных плит, что вела к ухоженной, частично отреставрированной набережной. Маша вскочила на бордюр, протянула руку. Володя взял ее ладонь и, поддерживая пошатывающуюся девушку, стал помогать ей спускаться по крутому склону бордюра. Она то и дело взвизгивала, едва не падая, будто внизу ее ждала смертельная опасность, и в такие моменты крепче сжимала Володину кисть, а он каждый раз улыбался.

Они оказались у воды, тут жара немного спала: незамерзающая из-за плотины выше по течению река несла вечнохолодные потоки на север. Болтая о заданиях на завтра и о предстоящем семинаре по экономике, они медленно шагали вдоль гранитного забора, за которым плескалась вода.

– Чет я устал. Присядем может?

– Лавочек нет, – осмотрелась Маша. Они сами не заметили, как прошли в часть набережной, которую еще не успели отремонтировать; кроме заросшего газона, на котором в ряд росли отливающие синим пихты, здесь ничего не было.

– Ну, давай на траву.

– Запачкаюсь, – Маша показала на свою белую футболку и голубые джинсы.

– Да забей ты, постираешь, – Володя взял ее запястье и потянул за собой на газон.

Они присели на сухую, теплую траву, тень от высокой пихты касалась носка Володино кеда. Ветер принес с реки прохладу и запах тины, сбил прядь Машиных русых волос, и она убрала ее за ухо.

– Так что там с Антоном?

– Да ничего страшного, ожог. Неудачно вчера с друзьями на дачу съездил.

– Ох. Ну как же это, осторожным надо быть, так и сдохнуть можно, – наигранно цокнул языком Володя.

– Иди ты, – Маша улыбнулась. – Он мой парень, так-то.

– Да знаю. Знаю, – Володя вздохнул, сжал в кулаке и вырвал из земли несколько травинок.

Маша легла, положив руки под голову, не заботясь о белой футболке. Закрыла глаза, глубоко и расслабленно вздохнула.

Володя посмотрел на нее. Спокойная, светящаяся, тень улыбки на тонких обкусанных губах. Потом, прищурившись, взглянул на небо. Висели неподвижно перьевые облака, показывались верхушки пихт. Вокруг колыхались изумрудные стебли.

– Маш.

– М?

– Будь моей девушкой.

– Ага.

– Я тебя люблю вообще-то.

– Отлично.

Володя лег на бок, подпер руку ладонью. Сорвал травинку с длинным стеблем и провел им по краю волос Маши, по ее высокому лбу, по носу с горбинкой. Она улыбнулась: «Щекотно». Травинка прошла по гладкой бледной коже щек, по подбородку, вдоль шрамика от пореза стеклом, ниже, к длинной шее. Володя подался ближе. Ее лицо, розоватые губы, были так близко. Ему показалось, что на краткий миг она чуть разомкнула веки. Сердце сжалось, забило быстрее, он положил ладонь на ее нагретые солнцем волосы, погладил сбившиеся пряди.

Они не двигались, застыв в сантиметрах друг от друга. Застыло и солнце, и река, и облака. Володя быстро облизнул губы, проглотил ком в горле. Рука на голове девушки дрожала, не верилось, что все это: май, жара, небо, река, пихты, блестящая бутылка воды, белая футболка, русые волосы, шершавые тонкие губы, молодость, близость, жизнь – что все это реально. Он закрыл глаза. Капали в невозвратность секунды.

– Идти пора, – прошептала Маша.

– Да, – Володя поднялся, взял рюкзак с травы, потрогал свою нагретую блондинистую голову. – Жарко.

– Кепку надо носить. – Они пошли в сторону широкой лестницы.

– Ты ж не носишь.

– А мне и не жарко.

Они поднялись, вернулись на пыльные, задыхающиеся улицы, направились к автобусной остановке.

– Знаешь, – Володя засунул руки в карманы, сгорбился, – я очень хотел тебя поцеловать там.

Маша помолчала, откусила лоскуток кожи от нижней губы.

– А что не поцеловал?

Володя бросил на нее быстрый, удивленный взгляд. Девушка шла, опустив голову, крепко сжимая ремешок сумочки.

– Не знаю. Испугался. Думал, ты не хочешь.

– Понятно.

Они дошли до остановки, Володя отдал Маше так и не открытую бутылку воды. Забравшись в душный красный автобус, девушка села у окна. Володя помахал ей, она улыбнулась и помахала в ответ.

Он пошел домой, а она поехала в больницу.

Он пришел на занятия, и она пришла на занятия.

Он получил тройку, а она получила четверку.
Он нашел девушку, а она бросила парня.
Он съехал от родителей, а она вспомнила тот день в мае.
Он закончил университет, и она закончила университет.
Он бросил девушку, а она нашла парня.
Он вспомнил тот день в мае, а она съехала от родителей.
Он уехал в Питер, а она осталась.
Он нашел работу, и она нашла работу.
Он получил повышение, а она уволилась.
Он женился, а она бросила парня.
Он купил смартфон, и она купила смартфон.
Он уволился, а она нашла работу.
Он купил машину, а она нашла парня.
Он нашел работу, а она купила смартфон.
Он поехал в командировку, а она поехала в отпуск.
Он купил квартиру, а она вышла замуж.
Он вспомнил тот день в мае, а она купила машину.
Он развелся, а она завела ребенка.
Он получил повышение, и она получила повышение.
Он купил смартфон, а она купила квартиру.
Он поехал в отпуск, а она вспомнила тот день в мае.
Он женился, а она купила машину.
Он завел ребенка, а она поехала в командировку.
Он купил машину, а она завела ребенка.
Он перенес операцию, и она перенесла операцию.
Он стал дедушкой, а она стала бабушкой.
Он играл с внуком, а она поехала в отпуск.
Он заболел, а она играла с внуком.
Он лег в больницу, а она купила дочери машину.
Он вспомнил тот день в мае, а она похоронила мужа.
Он умер, а она играла с внуком.
Он умер, а она заболела.
Он умер, а она перенесла операцию.
Он умер, а она лежала.
Он умер, а она вспомнила тот день в мае.
Он умер, и она умерла.

Маршрутка

Султан сидел в кресле автобуса девяностого маршрута. В глазах у него слегка плыло от выпитого, он чувствовал, как начинает болеть голова: от грохота, от алкоголя, от света фар проезжающих мимо машин и мелькающих ярких вывесок. Султан никогда не видел столько света в ночном городе. Там, откуда он родом, ночью светят только фонари, и на редком фасаде мерцают цветные буквы. А здесь все было иначе, здесь от постоянного шума, и света, и алкоголя у него болела голова. Он отвернулся от окна и посмотрел на свои руки. В каждой он держал по бутылке: в одной – Аква Минерале, в другой – бутылка из-под Бон-Аквы, наполовину полная водкой. Султан взглянул на свои штаны цвета хаки. Они были грязные, мятые. Султан давно не менял штаны, как, впрочем, и остальную одежду. От него плохо пахло, но сам он этого не замечал, потому что просто привык. Он закрыл глаза и подумал о доме. Какое-то время ехал так, вспоминая их с мамой квартиру в Тулуне – небольшом городе на полпути из Иркутска в Красноярск. В той квартире Султан провел двадцать два года своей жизни. Там были сервант и старый диван с телевизором напротив. На диване всегда лежало покрывало с цветочным орнаментом. Мама говорила, что ей оно досталось от бабушки, которая еще жила в Узбекистане.

Автобус тряхнуло, и Султан открыл глаза. Он снова посмотрел на свои штаны, а затем оглядел салон. На задних сидениях примостилась молодая мама с ребенком; прямо позади Султана грустно пялился в окно бородатый мужчина в шапке-ушанке, которую тот надел несмотря на пока еще вполне сносную погоду. Наискосок сидел молодой парень. Султан встретился с ним взглядом, и в этот момент парень отвернулся. Султан подсел к нему.

– Привет, слушай, – сказал он, глядя в пол под ногами парня. Тот, в свою очередь, поморщился и слегка закатил глаза, но Султан этого не заметил. – Это, выручи, будь другом.

– Не-не, – поспешил ответить попутчик, – не могу.

– Слушай, выручи, а? – повторил Султан, пропустив отказ мимо ушей. – Может у тебя это, есть какая-нибудь одежда ненужная. Штаны там.

Парень слегка опешил от странной просьбы и посмотрел на штаны собеседника. Заметив взгляд молодого человека, Султан убрал одну из бутылок за пазуху и, подергивая себя за штанину, сказал:

– Видишь, мои совсем грязные, куда в таких. Может у тебя есть какие-нибудь, которые тебе большие или маленькие там. Должно же быть что-нибудь. Я тебе заплачу, у меня деньги есть.

Парень представил себе всю процедуру передачи его старых штанов странному, воняющему спиртом человеку восточной наружности. Само собой, никакого желания заниматься этим у него не было. Он сказал:

– Нет, извини. Нету.

– Ну как нету? – Султан ему не поверил, конечно. Дома, в Тулуне, у него остались несколько пар штанов, которые он не носил. У всех его друзей дома, в Тулуне, были штаны, которые они не носили. Султан полез в карман и извлек скомканные купюры, протянул собеседнику:

– Вот, смотри, у меня деньги есть, я заплачу. Ну может еще какая одежда у тебя есть? Или там, у друзей, может, спросишь?

Парень сделал вид, что задумался и затем голосом полным сожаления протянул:

– Нееет, наверное, нет.

Султан убрал деньги в карман, открутил крышку бутылки, что все еще была у него в руке, и сделал большой глоток. Парень снова поморщился от запаха алкоголя.

– Ну как так? Эх, – Султан резко выдохнул. – Ну, я надеюсь, если б было чем, ты б помог.

– Да конечно, – поспешил согласится парень, – просто у меня у самого брат младший, он все донашивает...

Султана этот ответ удовлетворил. Он протянул парню руку.

– Меня Султан зовут. Можно Женя.

Секунду парень колебался, глядя на грязную ладонь, но все же пожал ее:

– Вася.

Султан улыбнулся и посмотрел в окно.

– Большой у вас тут город. Очень большой. Все есть. Тулун у нас маленький.

– Да, – на выдохе произнес Вася. Вся жизнь, все двадцать четыре года, он провел здесь, в Красноярске, сибирском миллионнике. Перевел взгляд на грязный пол маршрутки, а затем на бутылку в руке Султана.

– Слушай, а где тут рынок? Где можно на работу устроиться? – спросил Султан, доставая вторую бутылку из-за пазухи.

– На том берегу есть. Ну, это далеко, – после короткого раздумья ответил Вася. Пожалуй, именно там работали большинство приезжих. По крайней мере так было, когда он ходил туда последний раз, еще с мамой, будучи подростком.

– На том берегу... – Султан поморщился недоумевая, а затем вспомнил, что Красноярск стоит на двух берегах Енисея. Он открутил крышку, сделал несколько глотков и протянул соседу.

– Будешь?

– Нет, спасибо.

– Да попей. Хорошая минералка, вкусная, – Султан улыбнулся, наслаждаясь вкусом, затем сдвинул брови. – Дорогая, сука. Но вкусная.

Вася тоже еле заметно улыбнулся. Вкусная минералка.

– А куда автобус идет? – спросил Султан. – А то я сел и даже не знаю, куда еду.

– Ну... – вообще, Вася тоже не знал, куда шел этот автобус, ему нужно было проехать до дома еще всего пару остановок. Он попытался разглядеть схему маршрута на стене перед ними, но Султан не дождался ответа. Нахмурившись, глядя куда-то перед собой, он произнес:

– Мне завтра на дачу ехать. Надо тут дом строить, от родственников досталась земля. И работу буду завтра искать.

– Понятно, – лаконично отозвался Вася. Ему почему-то стало очень жаль Султана. Он хотел сказать что-нибудь, спросить про его семью. Вся жизнь попутчика пронеслась у Васи перед глазами: вот он стоит на рынке, торгует шубами из контейнера. Вот он таскает бревна и сколачивает их, возводя кривенький, крошечный домик. Вот он сидит в квартире с облезшими обоями и пьет водку из бутылки из-под Бон-Аквы. Вася хотел ему посоветовать не оставаться здесь, уехать обратно, домой. Или отправиться дальше, на запад, в Москву, там хотя бы какие-то возможности. Там есть будущее. Там ему не придется задыхаться на тупой работе, не придется выбирать из четырех паршивеньких кинотеатров, не нужно будет весь год копить деньги на летнюю поездку в Египет. Там у него будет шанс на нормальную, интересную жизнь.

– Ты хороший парень, – сказал Султан. – Нужны деньги?

Он снова достал скомканные купюры и протянул Васе полтинник.

– Нет-нет-нет, – Вася, улыбаясь, замахал руками, – не нужно.

– Да бери, – настаивал Султан, – я до денег не жадный.

– Хорошо, но не нужно, правда, – на взгляд в куче бумажек было около трех тысяч.

– Ну смотри, – Султан убрал деньги.

Автобус остановился на светофоре.

– Ладно, – сказал Вася, поднимаясь, – мне выходить.

– Да, удачи.

Они пожали руки. Вася подошел к двери маршрутки и, когда та открылась, вышел. Султан пересел на свое место и поехал дальше.

Оленька

Оленька лежала на мягкой пуховой подушке, наблюдая за пылинками, дрейфующими в рассекающем спальню пополам луче солнца. Она улыбалась пухлыми губами, нежилась, лёжа обнаженная поверх одеяла, вдыхая морозный январский воздух, что проникал в комнату через открытое настежь окно.

Оленька повернулась, посмотрела на спокойное лицо мужчины рядом. Он лежал на спине, неподвижный, большой, красивый. Оленька улыбнулась и ему.

Стопы коснулись холодного линолеума, она села и потянулась. Приятно хрустнули локти, позвоночник. Размяв шею, она встала, прошла на кухню. Холодильник был пуст, для завтрака ещё предстояло поработать. А все потому, что поленилась приготовить еду с вечера.

Она включила чайник, подождала, пока забурлит вода, сделала кофе. Растворимый «три в одном» был ее самым любимым напитком во Вселенной. Наполнив кружку кипятком, поставила ее в пороспую льдом морозилку и направилась в ванную. Проходя рядом с мирно лежащим на кровати мужчиной, подмигнула.

С любопытством глядя в зеркало на свои длинные светлые волосы, большие глаза, принялась чистить зубы, напевая: «Оленька, Оооооооо. Оленька? Оленькаааа! О.о.оооооооо». Русский она знала плохо, кроме своего имени – лишь несколько фраз, что не помешало вчера подцепить Марка. Высокий, красивый он клюнул мгновенно, стоило ей в танце немного потереться об него.

– Пайэхольэ камнь э, – неловко ворочала языком Оленька, но Марк сразу понял приглашение.

Выходя, она не забыла включить прибор, что занимал место ванны и представлял собой высокую стеклянную кабину со множеством трубок и значительно усложнял гигиенические процедуры – принять душ было негде.

Вернувшись в ледяную кухню, Оленька отпила уже остывший кофе. Сидя за столом, болтая стройной ножкой, она смотрела на покрытый толстым слоем блестящего снега подоконник. Осталось всего пара месяцев, потом командировка закончится, ее отзовут. Она будет скучать, местное население ей очень нравилось. По крайней мере нужно прихватить с собой побольше кофе.

Живот тревожно заурчал. Оленька голодала уже пару дней – все никак не везло.

Допив холодный кофе, она тяжело вздохнула, подошла к кровати. Мужчина лежал без движения. Оленька схватилась двумя руками за волосатое запястье, потянула, и тело упало, гулко стукнувшись затылком о холодный пол. Кряхтя, сетуя на слабые мышцы, она доволкла Марка до ванной, не без труда затолкала в стеклянную колбу. Нажала несколько кнопок на пульте рядом с раковиной.

Сверху и снизу выдвинулись, подвинув труп, широкие, острые ножи. Она нетерпеливо наблюдала, как скрюченное тело – мышцы, органы, кости Марка – измельчаются, превращаются в однородную массу внутри огромного блендера. Оленька проглотила слюну.

Получившуюся красно-серую жижу засосало в трубку отсека фильтрации, и дальше – в диспенсер. Уже сорок минут спустя у ног Оленьки лежали спрессованные, завернутые в фольгу брикеты.

Живот снова призывно заурчал.

Оленька сложила брикеты с Марком в морозилку – этого ей хватит на неделю или даже больше, если не жировать. Оставив один кирпичик на столе, она взяла чайную ложечку, аккуратно раскрыла фольгу. Придётся есть тёплым, но зато аромат – чудный! Погрузив ложку в плотную массу, она зачерпнула кусочек и с нетерпением отправилась в рот.

Гоня по языку питательную желешку, Оленька глядела в окно. На ветку сосны напротив приземлился снегирь, толстый, краснобрюхий. Оленька улыбнулась и ему. Она будет скучать по этой диковинной фауне. На ее планете таких интересных зверей нет.

Огонь

Огонь везде. Пламя, бушующее вокруг. Чернота дыма так, что не видно неба. Полыхание, горение, жжение. И радость, и счастье.

***

Дима проснулся посреди ночи с горячей испариной на лбу. Вставая, скрипнул кроватью, потревожив спящую рядом Лену. Сонным голосом, не открывая глаз, она спросила:

– Что случилось?

– Ничего. Я в туалет. Спи.

Дима на цыпочках прокрался в ванную мимо комнаты Пети, стараясь не разбудить сына. Умывшись холодной водой, посмотрел на себя в зеркало. Морщины в углах рта, щеки и лоб испещрены черными точками, ямами и канавами, под глазами – синюшные полумесяцы от нехватки сна. В роще коротких темных волос затесались несколько белых порослей. Он выпрямился и окинул взглядом свое тело. Грудь его могла бы сойти за женскую, пусть крохотную и малопривлекательную: два висячих треугольника с волосатыми сосками. Ниже расположился слегка свисающий над трусами живот, вдавленный пупок. От паха и далее вниз, по широким столбам ног росли черные вьющиеся волосы. Дима немного повел ртом, рассматривая себя. Он не относился к этому телу с ненавистью, скорее, с равнодушием. Глядя на многих других мужчин его возраста, Дима думал, что, пожалуй, не так уж и плохо выглядит. Точно не хуже многих, хоть и не лучше некоторых.

Вернувшись в комнату, он нажал кнопку на мобильнике. До звонка будильника оставалось еще два с половиной часа. Дима тяжело вздохнул: уснуть уже не получится.

***

День на работе прошел как обычно: кофе, несколько звонков клиентам, обед, затем еще несколько звонков, и под конец Дима даже успел поработать над отчетом. Официально название его должности звучит так: консультант по первичному отслеживанию грузов в региональном офисе экспедиторской компании. По сути, делал с десятков звонков клиентам в день, информировал о состоянии груза, оформлял, при необходимости, переадресации и решал проблемы, что, впрочем случалось редко, а также отчитываться руководителю отдела отслеживания. Должность была непыльная, работа не тяжелая и достаточно хорошо оплачиваемая. По этой самой причине Дима и занимал ее бессменно уже восемь лет. За это время он досконально изучил все тонкости работы, взрастил не одно поколение молодых и амбициозных, многие из которых затем перешли в столичные, а то и вовсе зарубежные филиалы. О своей работе он старался много не думать. Нельзя сказать, что бы Дима ее любил или ненавидел, для него работа всегда оставалась именно этим – просто работой. Каждый квартал он получал неплохую премию, которую откладывал на летний отдых с супругой и ребенком, чего, впрочем, уже давно не случалось.

Дома Диму уже ждал ужин: Лена сегодня раньше закончила в офисе. Они вместе поели, поболтали о прошедшем дне, и, оставив жену убирать со стола, Дима прошел в гостиную, чтобы, удобно расположившись на диване, отдохнуть от дневных забот. В комнате на полу перед телевизором сидел Петя.

– Че делаешь? – обратился отец к сыну.

– Смотрю.

– Че смотришь?

Петя пожал плечами. Действительно, понять, что происходило на экране телевизора было непросто: какие-то люди перемещались из комнаты в комнату, обсуждали одним им понятные вещи. Звучали какие-то имена, обвинения, ругань, признания, откровения. Дима сел на диван. Постепенно зрелище затянуло его, хоть он по-прежнему не понимал, что же происходит, как

все эти люди оказались в одном месте, и чего они хотят друг от друга. Они обнимались, целовались, а в следующую минуту они же (хотя может быть и не они – отличить персонажей друг от друга Дима не мог) орали друг на друга, дрались и посылали в услужливо запиканные телеканалом места. Все это будто гипнотизировало, заставляло забыть и заморожено, хоть и без интереса, без участия, следить за происходящим. Во время коротких рекламных пауз Дима переводил взгляд на сидящего спиной к нему сына, и мысль, что, возможно, двенадцатилетнему мальчику незачем все это смотреть, лениво стучала в его сознании, однако он настойчиво продолжал ее игнорировать. Пока на экране рекламировались прокладки, Дима спросил:

– Как школа?

– Нормально, – не поворачиваясь ответил Петя.

– Что получил?

– Четверку по русскому.

– Молодец.

Позже вечером Дима помастурбировал в душе и лег спать рядом с уже сопевшей Леной.

***

Огонь и всюду морепламени и впереди идешь разрушение огонь солнце люди болькрик умирают повсюду стоны и дым дым чернотой и еще пламя здесь городвогне улыбка и шагаешь мимо рвутся огняязыки кожа лопается взрыв еще взрыв падает крики детей дом смерть и пламя смертепламя жар и пот вопли паники кости улицы вдоль разложение пожирание страха вонь горелого мяса но блеск впереди и ты ближеближе приближаешься к нему и понимаешь что море, что перед тобой самое настоящее море, сияющее, переливающееся лазурью и золотом в свете солнца, под твоими ногами мягкий песок, пальцы утопают в его тепле и прохладный бриз освежает, шелест волн успокаивает, и ты счастлив, счастлив

***

Проснувшись среди ночи, Дима уже не мог заснуть. Несколько часов он пролежал, изучая черные очертания предметов в желтом свете уличного фонаря.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.